

**РУССКИЙ АНГЛИЙСКИЙ: ИСТОРИЯ, ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ И ОСОБЕННОСТИ
/ СОСТ. З. ПРОШИНА И А. ЭДДИ [НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ] / КЕМБРИДЖ:
ИЗДАТЕЛЬСТВО КЕМБРИДЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА, 2016. 309 с.**

© 2017 г. О. И. Виноградова

Кандидат филологических наук, доцент Школы лингвистики НИУ ВШЭ,
Россия, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4,
olgavinogr@gmail.com

Дата поступления материала в редакцию 5 июня 2017 г.

**RUSSIAN ENGLISH: HISTORY, FUNCTIONS, AND FEATURES. EDITED
BY ZOYA G. PROSHINA AND ANNA A. EDDY. CAMBRIDGE:
UNIVERSITY PRESS, 2016. 309 p.**

© 2017 Olga I. Vinogradova

Associate Professor at the School of Linguistics of the Higher School of Economics,
21–4 Staraya Basmannaya Str., Moscow 105066, Russia,
olgavinogr@gmail.com

Received by Editor on June 5, 2017

Книга *Russian English: History, Functions, and Features*, вышедшая в издательстве Кембриджского университета под редакцией Зои Прошиной и Анны Эдди (Zoya G. Proshina and Anna A. Eddy), имеет посвящение выдающемуся исследователю вариативности английского языка в мире и автору целого ряда важных понятий и терминов в этой области – Баджу Б. Качру [1]. В предисловии говорится, что данную книгу надо рассматривать как введение в историю языкового контакта между русским и английскими языками и как описание русифицированного английского, на котором говорят и пишут в России те, кто не является носителем английского языка. В данной серии издательства Кембриджского университета – *Studies in English Language* – эта книга является не первой попыткой представить описание некоторого “локального” варианта английского языка, и терминологически и методологически авторы следуют примеру более ранних описаний подобного рода. Это издание дает также некоторое представление об англицизированной версии русского языка и об использовании английского в качестве *Lingua Franca* на территории России и бывших советских республик. В соответствии с такой постановкой задачи первая часть книги, составляющая почти половину ее объема, начинается с истории лингвистических

контактов двух языков (глава 1), и в главах 2–4 рассмотрение продолжается обсуждением того, что такое русский английский как одна из разновидностей английского языка в мире. Вторая часть книги сконцентрирована на рассмотрении функционирования английского языка в девяти различных сферах русской жизни (главы 5–13). Интересно сравнить подходы в разных главах данной книги с обсуждением правомерности соединения разных подходов в [2]¹. Наконец, третья часть, последняя и самая короткая, затрагивает вопросы соперничества русского и английского языков в области межкультурной коммуникации (глава 14) и отношение русских людей к концепту русского английского языка (главы 15–17).

Поскольку первая часть книги посвящена описанию предмета исследования, она содержит наибольший объем языкового материала. После краткого перечисления восьми стадий шестивековой истории русско-английских языковых контактов в главе 1 авторы описывают современную

¹“Feature-based” approaches mark features distinct to each language, such as the morphology, phonology, and syntax of different English varieties. This is juxtaposed with the sociological approaches, which seems to be referenced as the “English Studies” approach. In the study of World Englishes within a classroom setting, it is essential to be aware of both understandings of World Englishes.

социолингвистическую ситуацию в России (стр. 20–24), приводя статистику по 23 официальным языкам федеральных субъектов Российской Федерации. К списку этих языков на странице 20 имеются три замечания. Во-первых, некоторые английские названия языков представлены в написании, отличающемся от общепринятого, в частности, от того, что было предложено на авторитетном сайте Glottolog [3]. Для некоторых названий выбор альтернативы термину в Глоттологе может объясняться использованием этой альтернативы в англоязычной Википедии. Так, например, написание *Buryat* наряду с *Buriat* содержится в статье Википедии: “**Buryat (Buriat)** is a variety of Mongolic ...”; *Tuvan* имеет еще большую вариативность альтернатив написания в Википедии: “**Tuvan (Tuvinian, Tyvan or Tuvin)** is a Turkic language ...” Однако большее сомнение вызывает написание *Altay* вместо *Altai Turkic* (который, в свою очередь, делится на *Northern Altai* и *Southern Altai*). Википедия для данного языка дает еще одно имя – *Gorno-Altai*, но авторы предпочли указанный выше вариант. Наконец, форма *Chircassian*, хотя и встречается в английском как эквивалент русскому ‘черкесский’, но не присутствует ни в одном надежном источнике – вместо нее в Глоттологе, Википедии и ряде авторитетных текстов имеется написание *Circassian*.

Следующие два замечания касаются приводимого авторами списка официальных языков различных территорий Российской Федерации: в него не вошли 14 официальных языков Дагестана, из которых 10 принадлежат нахско-дагестанской семье, а оставшиеся четыре – это русский, азербайджанский, ногайский и татский; кроме того, в нем отсутствует, среди официальных языков Карелии, вепсский язык – один из двух (наряду с карельским) официальных языков с алфавитом на латинице. При этом авторы на с. 22 отметили сложности, возникшие при попытке перевода татарской письменности на латиницу, так что присутствие вепсского в этом списке должно было стать значимым для данного описания. Рассмотрение социолингвистической ситуации на территории России завершается в данной главе выводом о появлении в России не единого русского английского, а целого класса “русских” разновидностей английского языка, однако авторы в своей книге не приводят никаких примеров особенностей этих других вариантов.

Главы 2–4 посвящены рассмотрению собственно феномена русского английского и его места среди других вариантов английского языка. Прежде всего, в главе 2 авторы задают вопрос,

является ли русский английский вариантом английского языка наряду с другими разновидностями, появляющимися в мире, или это промежуточный язык на пути изучения английского языка русскими, при том, что первый термин они представляют как нейтральный, а второй несет пейоративную коннотацию, так что авторы неэксплицитно выбирают первую альтернативу. Русский английский рассматривается авторами как явление на уровне социума, и потому он предстает в данной книге как один из вариантов английского языка в мире, что не мешает авторам видеть в нем континуум промежуточных идиолектов, на которых говорят носители русского языка в процессе освоения ими английского языка, от базового уровня до беглого владения. Следуя терминологическому делению, введенному китайскими лингвистами для описания английского языка в китайской среде (*Chinglish* для состояния наибольшей гибридности китайского с английским, китайский английский для среднего состояния в освоении английского, и английский Китая, или английский в Китае для состояния уверенного пользования английским языком с минимальным влиянием китайского) авторы называют объект своего исследования “русским английским” и определяют его как динамически меняющийся вариант английского языка, на котором говорят русские билингвы, сохраняющие в разговоре на неродном языке свою культурную идентичность одновременно с выполнением других коммуникативных функций.

В связи с различием вариантов языка возникает вопрос о нормах в английском языке. Авторы признают, что представления об особых нормах русского английского в России до сих пор не возникло – в основном преподаватели и изучающие ориентируются на нормы либо британского, либо американского вариантов английского языка. По данным 2005 года, менее 5% изучающих английский язык считают, что они осваивают такой вариант английского языка, как русский английский, хотя у большинства преподаватели английского не являлись носителями английского языка. Важным представляется утверждение авторов, что русский английский имеет в качестве образца нормы так называемого международного английского, включающего отдельные нормативные элементы разных вариантов английского языка. Однако, эти нормы – искусственный конструкт, не воспроизводимый в ежедневном употреблении. Вывод, который делают авторы, следующий: должно пройти некоторое время,

и сообществом преподавателей английского языка должны быть предприняты некоторые усилия, чтобы возникающее в наши дни понятие русского английского вошло в обиход как новый динамически меняющийся вариант английского языка из числа вариантов “Расширяющегося Круга” (в терминологии Качру). Добавим, что рецензируемая книга позиционируется авторами как фундамент для этих усилий.

При рассмотрении основных функций русского английского в главе 2 авторы прежде всего называют его использование для межкультурного и международного общения. В этой функции английский язык помогает носителям русского языка познакомить весь мир с русской культурой и одновременно является вторичным средством самоидентификации русских. Другие назначения английского в жизни русских – нормативно-правовая функция (в дипломатии и юриспруденции, когда статус документов требует перевода их русского текста на английский язык), инструментальная (в обучении, особенно на университетском уровне, а также в деятельности транснациональных компаний), функция неформального межличностного общения (в туризме) и креативная (в шоу-бизнесе, рекламе, а также в русской литературе, написанной на английском русскими писателями-эмигрантами).

Глава 3 посвящена лингвокультуре русского английского. В первом разделе этой главы авторы перечисляют схожие типологические черты русского и английского – двух языков разных подгрупп одной языковой семьи: флективный морфосинтаксис, тем не менее с разным количественным соотношением синтетических и аналитических форм, а так же отсутствие единого морфологического типа в обоих языках. Отмечены также недавние исследования, демонстрирующие возрастающую тенденцию русского языка к аналитизму. Авторы останавливаются на сравнении форм possessivnosti в обоих языках, существительных *pluralia tantum* и *singularia tantum*, на категориях рода, определенности, залога, вида и времени глагола в связи с различной семантической категоризацией глаголов, сравниваются также особенности сослагательного наклонения и употребления нефинитных форм. При сравнительном рассмотрении синтаксических особенностей авторы не опираются – в отношении используемой терминологии и лингвистических понятий – на какую-то определенную теорию синтаксиса, поэтому некоторые заключения звучат в определенной степени сомнительно. Таким,

на мой взгляд, является утверждение о том, что основным видом связи в английском является примыкание, а в русском – согласование и управление. Не меньше сомнений вызывает разговор о правиле “близости” в английском, в соответствии с которым семантически связанные друг с другом слова должны находиться как можно ближе друг к другу в предложении – и это при том, что приводимый пример следования данному правилу в английском содержит также опровержение этого правила в удаленных друг от друга не менее семантически связанных подлежащего и сказуемого, а между тем основное приложение данного правила в английском описано как раз для подлежащего и сказуемого [4]. Не кажется доказанным утверждение авторов о том, что согласование в русском языке обладает гораздо большей формальностью, нежели в английском, которое авторы выводят из того, что в английском возможно согласование собирательного существительного в форме единственного числа со сказуемым в форме множественного числа, а в русском это невозможно. Во-первых, в эпоху общедоступных электронных словарей и национальных корпусов английского и русского языков любые обобщающие и сравнительные высказывания должны безусловно сопровождаться корпусными статистическими наблюдениями. Во-вторых, научного способа соизмерять языки по формальности согласования авторы не предъявили. Употребление этого термина зависит от семантической теории, которая лежит в основании исследования. И в английском, и в русском имеются случаи несоответствия формального и семантического согласования – например, *It's I who come/comes*, *It's not I who come/comes*, в противоположность единственному варианту *It's (not) I who is coming*, и требуется отдельное исследование того, сколько подобных случаев найдется в русском, а сколько в английском.

Второй раздел главы о лингвокультуре посвящен наблюдениям над англицизированием русского языка (термин Баджа Б. Качру [1], описавшего двойственность нормозависимых (*norm-dependent*) вариантов Расширяющегося Круга как результат последний глобального распространения английского языка). Авторы считают, что этот процесс давно и широко обсуждается в России не только в профессиональных кругах, но и наивными носителями русского. Если провозглашение английского языка источником таких общих языковых особенностей развития русского, как стремление к аналитическому строю, постепенная утрата

аффиксальности и возрастающая приемлемость черт неформального стиля высказываний может вызвать некоторые сомнения у руссистов-теоретиков, то список конкретных явлений, заимствованных в русский язык непосредственно из английского, действительно, обсуждался в лингвистической литературе ранее, а именно:

– новые несклоняемые существительные типа *студио*, сокращения и аббревиатуры типа *секси* и собственные имена с вариативностью в склоняемости (*вместе с Кока-Кола/вместе с Кока-Колой*);

– несклоняемость приложений по английскому образцу типа *скончался в Кентербери, юго-восток Англии* (вместо *на юго-востоке Англии*);

– приобретение форм множественного числа существительными *singularia tantum* типа *финансовые риски*;

– образование сложных слов по английскому образцу вместо русских сложных слов с соединительной гласной *-о-* или вместо словосочетаний “прилагательное суффиксального образования + существительное”: *интернет-кафе*, а не *интернетное кафе* (в этом пункте не обошлось без неточности – слово *ракета-носитель* в русском не могло появиться из английского, где есть только *launch vehicle*, а появилось потому, что сложное слово *ракетоноситель* в русском имеет совсем другое значение – торпедные установки).

Среди прямых лексических заимствований из английского авторы различают классы культурных и технологических терминов, калькированные переводы, семантические кальки (среди них кальки в словосочетаниях типа *взять курс* – учебный курс в университете), русско-английские гибриды, псевдокальки типа *шоп-туры*, а также изменения значений ранее заимствованных слов (*атлет, амбициозный*). Авторы указали приведенные в литературе данные о примерном объеме пополнения русского словаря за счет заимствований из английского, собрали некоторое количество новых фонетических и фонологических нововведений в русских словах, особенно в именах собственных (стр. 53–54) и изменений в графике и пунктуации (стр. 54), происшедших под влиянием английских прообразов. В прагматике и дискурсе наблюдения произведены над изменениями в форме обращения, новыми этикетными выражениями, эвфемизмами, обценными англицизмами и заимствованными из западной культуры жеста.

Третий раздел главы 3 освещает теорию и практику перемешивания кодов (гибридизации) и переключения кодов в приложении к ситуации использования английского языка носителями русского языка в русской языковой среде. Теоретическое рассмотрение в основном посвящено разграничению первого и второго терминов, как оно представлено в работах специалистов в данной области [5]. Рассматриваемые здесь сферы – это язык рекламы, музыкальной культуры, моды, глянцевого журнала, граффити, а также некоторые области общения в бизнесе. В ситуации, когда английский не является языком общения между разными группами внутри страны, а остается – несмотря на огромный рост числа свободно говорящих на нем людей – уделом отдельных групп билингв, происходит сенсбилизация практически всего населения России к английским словам, нарочито вставленным в русскую устную и письменную речь, а часто и произнесенным или написанным по-английски. Это приводит к особой креативности в использовании английских слов в русских текстах – вернее, как правильно замечают авторы, в русских предложениях, так как в подавляющем большинстве мы встречаемся с таким явлением только на синтаксическом уровне.

Последние два раздела главы 3 симметричны – в них речь идет об элементах английской культуры в русском языке (3.4) и русской культуры в английском (3.5). В первом авторы отмечают, что поток проникновения преимущественно английских слов для обозначения феноменов западной жизни, обрушившийся на русский язык после падения железного занавеса, вызывал озабоченность в русском обществе, но справедливо возражают, что такие явления имели место в XVIII веке со стороны немецкого, в XIX – во влиянии французского языка, и никто сейчас не будет утверждать, что это привело к ухудшению русского языка. Тем не менее, авторы видят отрицательные черты англицизирования в современном русском языке в следующих проявлениях: неиспользование отчества или использование только инициала от отчества в обращениях и на визитных карточках в бизнесе; отход от русских традиций пунктуации в формате деловых писем и в написании русских слов с заглавной или со строчной буквы в сторону общепринятых норм английского языка; введение сокращенных написаний и аббревиатур по английским образцам; появление большого числа неграмотных переводных эквивалентов для англоязычных антропонимов

и топонимов, не соответствующих сложившимся традициям перевода на русский язык (с приведением успешно продаваемого переводного издания “Карманной энциклопедии The Hutchinson” в качестве примера того, как не надо переводить). Надо отдать справедливость авторам — они приводят и несколько примеров положительных проявлений влияния англоязычной культуры на русский язык и общение в русском обществе — изменение административного языка, языка объявлений и академического русского в сторону меньшей директивности и категоричности, равно как и большей открытости и прозрачности, но в данном разделе это только единичные примеры. Раздел 3.5 по сравнению с предыдущим содержит, во-первых, теоретическое обоснование рассматриваемого материала, а, во-вторых, более исчерпывающие классификации явлений отражения русских культурно-выделенных понятий, культуронимов, в английском языке в сопровождении показательных примеров. Так, авторы приводят шесть приемов “внутреннего перевода” — введения русских культуронимов в английский обиход — транслитерированное заимствование из русского (*kulebyaka*), калькированный перевод высказывания (*Without a document, you are an insect*), семантическое калькирование (*the Hermitage*), гибридное калькирование (*Matryoshka-doll*), translanguaging (см. [5]), перевод с пояснительным комментарием (*the Mighty Group, a group of five Russian composers...*), использование идиокulturонима — (*sandwich* для ‘бутерброд’). Авторы приводят также перечисление некоторых факторов, определяющих выбор определенного приема передачи русских культуронимов, и дополняют свое рассмотрение примерами целей и функций использования различных русских понятий в английских текстах.

Глава 4 посвящена лингвистическим чертам русского варианта английского языка. Первый раздел содержит подробное изложение особенностей его фонетики — звукообразования, слоговой структуры, ударения, ритма и интонации. Второй раздел охватывает особенности орфографии и пунктуации, причем вместо представления списка орфографических установок и без ссылки на релевантные примеры из предыдущей главы авторы изложили непростую историю изменений стандартов транслитерации в России. При рассмотрении пунктуационных особенностей в английских текстах, создаваемых носителями русского языка, авторы не могли не остановиться на трех важных моментах, связанных с запятыми: отсутствие в русском

английском — по аналогии с русским — привычного для носителей английского отделения запятой начальных конструкций, предшествующих подлежащему; обязательное отделение запятой придаточного предложения от главного вне зависимости от их последовательности, как это происходит в русском языке; отсутствие разграничения в русском английском случаев отделения запятой определительного придаточного предложения от случаев отсутствия запятой в данной позиции. Однако авторы оставили без объяснения тот факт, что восприятие двух типов определительных придаточных предложений в английском (в терминологии авторов — дескриптивные и рестриктивные определительные придаточные, примеры 6 и 7) тяжело дается носителям русского языка из-за отсутствия такого феномена в русском языке. Из других пунктуационных отличий в русском английском авторы отмечают отсутствие так называемой оксфордской запятой перед последним из списка однородных членов, лишнюю запятую после определяемого слова перед причастным оборотом и выбор восклицательного знака в обращениях.

Третий раздел главы 4 предъясняет читателю различия в грамматических чертах русского и английского языков, которые привели к появлению особых свойств русского английского. В отдельных разделах рассматриваются глаголы, имена и отдельные синтаксические явления, а именно: порядок слов, отсутствие прямого дополнения при некоторых глаголах, замена конструкции со сложным дополнением на придаточное предложение в русском английском. По мнению авторов, советские педагоги всегда придавали первостепенное значение грамматике, вследствие чего английская речь образованного русского чаще всего была гиперкорректной, т.е. содержала элементы формального регистра в большей степени, нежели разговорные черты. Интересен тот факт, что случаи отклонения от грамматических норм наблюдались на материале письменной и устной речи русских преподавателей английского языка, что устраняет повторение данных из предшествующих появлению книги наблюдений над ошибками изучающих.

Ряд возможных объяснений для отклонений от норм вызывает сомнения. Так, частое отсутствие окончания *-s* в глаголе 3 лица единственного числа в настоящем времени представляется авторам своего рода выравниванием по аналитическому типу, или, другими словами, устранением реликтового явления (после

ссылки на термины ‘typological oddity’ Традгилла и ‘communicatively redundant’ Брайтенедера) — странно предполагать такое стремление для носителей гораздо более синтетического языка, нежели английский! Еще одна гипотеза авторов соотносит замену в русском английском необходимой продолженной формы на ошибочную простую в настоящем времени, при обратной замене — простого времени на ошибочное продолженное — в прошедшем, с отсутствием противопоставления простого и продолженного вида в русском языке, но практически не объясненным оказывается различие в выборе вида в настоящем прошедшем временах (с. 100). Однако некоторые другие отклонения в русском английском, напротив, получили в данной главе эксплицитное объяснение, основывающееся на различиях между русской и английской грамматикой — отклонение от правила согласования времен, использование форм будущего времени в условных и временных придаточных предложениях, модель управления герундийных форм по именному, а не по глагольному типу, ущербное использование модальных глаголов, а также подобное принятому в русском расположению рематического компонента в конце фразы при введении ненужной замены подлежащего на *it*. А такие широко распространенные ошибки, как неправильная трактовка числа существительных и ошибки в употреблении артиклей не подразделяются в данной работе на различные типы, и приводятся лишь отдельные примеры. Из мелких недочетов укажем, что, во-первых, примеры (42) и (43) на странице 105 скорее демонстрируют неправильный выбор лексики *tell* вместо более подходящих *show* или *demonstrate* в (42) и *talk* в (43), нежели отсутствие адресатного дополнения в глаголе *tell*, и, во-вторых, пример (45) на той же странице должен показать использование запятой вместо принятого в стандартном английском двоеточия, однако, в той позиции, где стоит запятая, может стоять только она, а не двоеточие (после *not only* и перед *also*), а в другой позиции — перед второй клаузой — не стоит никакого знака препинания, но поскольку она вводится союзом *and*, то и там должна стоять запятая.

Четвертый раздел главы 4 предлагает краткое рассмотрение особенностей выбора словарных средств в публичных выступлениях, в средствах массовой информации в интернете, а также на английских версиях русских официальных сайтов. Естественным объектом рассмотрения здесь оказываются особенности перевода с русского и использование калек с русского

в русском английском. Первый подраздел содержит девять примеров перевода с русского на английский с использованием некоторой кальки, но авторы не предлагают никаких критериев правильности получившихся переводных эквивалентов, кроме “понятности” для носителей английского языка (о критериях см. [6]). Во втором подразделе приведено четыре примера введения в текст на английском языке русских слов в транслитерации без объяснения причин такого выбора, но с заключительной ремаркой в отношении высокой частотности таких случаев в русском английском. 10 примеров в следующем, третьем, подразделе демонстрируют перенос прямого эквивалента некоторого русского термина в английский текст (*candidate of science, philological science, salon, Tsar Cannon or Emperor Cannon*), но авторы опять не проводят различий между удачными случаями переноса и такими, которые говорят всего лишь о низком уровне чувствительности автора к нормам английского языка. В четвертом подразделе, посвященном возникновению новых лексических сочетаний в английском языке под влиянием русского, рассматривается лишь один пример — история постепенного понимания носителем английского языка сочетания *home task*, которое часто используется русскими преподавателями английского языка. Эта история предьявлена как пример того, что Бирмейер назвал ‘structural nativization’ в работе, посвященной корпусному исследованию семи новых разновидностей английского языка в мире. Пятый — последний — раздел главы 4 посвящен рассмотрению того, как русскоязычные изучающие употребляют осваиваемые явления английского языка — т.е. прагматике русского английского. Перенос условностей употребления элементов родного языка в изучаемый язык прослежен в построении особых выражений соучастия в разговоре и формул вежливости, в выборе прямой или обходной стратегии в разговоре и обозначения самооценки в высказываниях русских на английском языке (что, по мнению авторов, требует дальнейшего исследования). В результате авторы делают вывод, что русский английский может показаться носителям стандартных диалектов английского языка чересчур директивным — на грани грубости, и, наоборот, стандартные диалекты английского языка с их обходными стратегиями могут казаться русским в общении на английском страдающими недостатком сердечности и солидарности, подчас даже лицемерными. Отмечена также сложность в овладении формулами политкорректности

в английском, поскольку в русском налицо невольная маскулинизация в построении высказываний о человеке без обозначения принадлежности к одному из полов из-за мужского рода существительного *человек*.

Вторая часть книги рассматривает особенности функционирования русского английского языка в разных областях жизни, из которых первой (глава 5) выступает область политического дискурса на основе анализа двух политологических журналов “Международные отношения: русский журнал мировой политики, дипломатии и международных отношений” и “Международные тенденции: журнал теории международных отношений и мировой политики”. Данные устного политического дискурса были проанализированы в интервью, которое дал министр иностранных дел России С. Лавров 18 августа 2012 года (ответы на 25 вопросов общим объемом около 6 тысяч слов). 10 примеров, приводимых в этом разделе для демонстрации невыразительных метафор, нечетких высказываний, уклонения от определенности в высказываниях ради создания иллюзии определенности, а также употребление слов и выражений, лишенных конкретного смысла, являются, во-первых, типичной чертой политического дискурса в разных странах, не только в России, и, во-вторых, авторы и здесь не приводят никакой статистики в отношении частотности подобных приемов даже в узкой области их исследования. Более того, в заключение рассмотрения приводится утверждение, что в такой чувствительной к производимому впечатлению области, как политика, самое большое опасение вызывает возможность неправильного понимания отдельного слова или целого выражения, что понижает стремление к эксплицитности в политическом высказывании.

Второй областью — в главе 6 — выступает бизнес, в котором стремление быть связанным с партнерами в других странах часто имеет высокий приоритет. Здесь почему-то происходит неоднократное перемещение предмета исследования: в начале главы авторы рассматривают заимствование в русский язык целого ряда слов и словосочетаний из английского (стартап, промодулировать и т.п.), затем переходят к описанию способов передачи названий русских компаний на английском, затем опять возвращаются к изменениям в условиях в написании деловых писем и документов для поступления на работу на русском, а в конце главы рассматривают язык англоязычных версий русских сайтов. Полного

перечня нововведений ни в одной из рассматриваемых областей авторы не приводят.

Третья область — образование, которому посвящена глава 7. Здесь речь идет только об образовании в области иностранных языков. Глава начинается с истории преподавания иностранных языков в России: 1930-е, послевоенные годы, период с 1961 года до 1980-х, 1990-е годы. Далее рассматриваются учебные курсы и учебники, сначала советского времени, затем новые, появившиеся в перестройку. В конце авторы приходят к выводу, что в России сложилась своя методологическая школа преподавания иностранных языков, которая готова соответствовать любым вызовам нового времени.

Следующая глава — глава 8 — вскрывает роль английского языка в русской академической жизни, в особенности в исследовательских университетах. После краткого описания состояния дел до начала 2000-х авторы объясняют термин “модернизация университетского образования” как интернационализацию науки и исследований при ориентации на западную академическую культуру с ее системой конкурентного финансирования исследований. Публикации на английском языке в англоязычных изданиях, выступление на английском языке перед международной аудиторией и оформление заявок на английском языке стало ежедневной реальностью жизни научных сотрудников и преподавателей. Авторы приводят таблицу с указанием десяти основных вех процесса модернизации за годы 2003–2012 и ссылаются на данные опроса сотрудников 23 ведущих русских университетов о роли английского языка в русской научной жизни, полученные одним из авторов данной главы Еленой Лаврик в ее работе над диссертацией в 2011 году. В частности, этот опрос выявил, что 86% опрошенных пользуются английским языком в своей профессиональной деятельности (так, 65% публикуют свои работы на русском и на английском языках, но при этом уровень публикационной активности на русском резко упал). 90% опрошенных считают, что свободное владение английским крайне важно для их профессионального роста. Все статистические данные в этой главе свидетельствуют о резком возрастании роли английского языка в русском научном сообществе и о снижении в нем роли русского языка.

В главе 9 содержатся сведения о том, что в русских сетевых средствах массовой информации и в интернете вообще делается на английском языке. Доступ к англоязычным

телеканалам, по мнению авторов, в большой степени способствует повышению разных навыков — распознавания звучащего текста, в первую очередь, но также расширения словарного запаса и расширения набора используемых грамматических средств в овладении английским языком. Англоязычные телевизионные передачи служат образцами при создании аналогичных русскоязычных программ на русском телевидении, и при этом ведущие перенимают английские лингвистические и прагматические стандарты презентации — и это несмотря на распространенное в журналистике мнение, что грамотный и стилистически выдержанный русский язык, не содержащий ненужных англицизмов, является показателем образованности русского журналиста. Еще одна область влияния английского — переводы для русских субтитров, которые повсеместно содержат заимствованные из английского (в наибольшей мере, американского английского) фонетические, стилистические и семантические черты. Наконец, запуск круглосуточного новостного канала на английском языке — Russia Today — в 2005 году позволил резко расширить доступ к информации о России в мире — более 700 миллионов людей смотрят этот канал не менее, чем в 100 странах. В 2011 году к нему присоединился канал “Русское документальное телевидение” (Russia TV Documentary) и выходящее дважды в неделю интервью на английском языке от компании SophieCo. Радиостанция Voice of Russia ведет передачи на английском языке на разных волнах и в мобильных приложениях. В 2012 начал вещание на английском языке русский радиоканал Moscow FM. На всех перечисленных каналах работают как русскоязычные, так и англоязычные журналисты, приехавшие в Россию из разных стран, так что слушатели получают представление как о русском английском, так и о многих других вариантах английского языка. Авторы рассматривают пять главных и наиболее популярных англоязычных газет, выходящих в России, а также 13 других, издаваемых на двух языках — русском и английском. В данной главе названы также 9 газет, издаваемых специально для изучающих английский язык. Таким образом, ландшафт англоязычной прессы в России оказывается весьма различным по жанрам и затрагиваемым областям, но число изданий не впечатляет. Далее авторы приводят 7 примеров использования в английском, которым пользуются в России в средствах массовой информации, заимствований из русского культурного фона (такие, как прецедентные цитаты из

известных книг и песен, пословицы, клише политического дискурса, строки из рекламы, коннотативные слова, тропы). Последний подраздел данной главы охватывает использование английского в русском пространстве Интернета. Английский язык играет тройную роль для российских пользователей Интернета, число которых растет невероятными темпами: это язык информации, которую получают российские пользователи Интернета из англоязычных сайтов и блогов, это язык большинства версий российских сайтов для посетителей сайтов за пределами России, и это источник заимствований и языкового творчества для российских сайтов на русском языке. В Рунете множится число личных сайтов и блогов нового поколения россиян, которые пишут в них только по-английски. Агентства новостей и средства массовой информации в России либо двуязычны, либо существуют только на английском. Все официальные государственные сайты имеют англоязычные версии полного или частичного охвата по сравнению с русскоязычной версией. Заимствования из английского, кальки и англо-русские гибриды на русскоязычных сайтах появляются все чаще и явно как проявления креативности создателей сайтов. В качестве главного вывода данной главы авторы подчеркивают, что знание английского языка для русского человека во всех средствах массовой информации представляется как знак современности и как неотъемлемый навык “гражданина мира” в 21 веке.

О роли развития туризма — о возрастании как числа поездок россиян в другие страны, так и численности иностранных туристов в России — рассказывает глава 10. Если туристы-россияне сами осознают необходимость — или по крайней мере удобство — владения английским языком в поездках за границу, то для повышения заинтересованности туристов в посещении России наличие дефолтной возможности общения на английском языке в России признано на государственном уровне необходимым условием успешности туристического бизнеса, и целый ряд мероприятий — перевод на английский схем и объявлений в общественном транспорте и публичных местах, указатели на английском на улицах городов и многое другое — производятся повсеместно или будут произведены в ближайшем будущем.

О том, насколько знание английского языка стало важным для русских поклонников поп-культуры и в русских соцсетях, становится известно из главы 11. После краткого повторения

многих моментов, обсуждавшихся в предыдущих главах, авторы также кратко приводят ряд английских выражений, типичных для клубной жизни, которые вошли как элементы “переключения языковых кодов” в русских развлекательных заведениях. Далее авторы приводят около дюжины примеров подросткового жаргона с включением английских слов или выражений прямо в русские предложения, затем десять выражений из разряда *gay speak*, которые, по мнению авторов, обеспечивают требуемую завуалированность разговора в сообществах сексуальных меньшинств, затем разбираются два небольших текста из области музыкальных субкультур, которые естественным образом заимствовали много терминов из современной англоязычной поп-музыки и из джаза, и, наконец, приводится список из 16 слов для видов экстрим-спорта, спортсменов или оборудования для таких занятий.

Глава 12, посвященная рекламе, как и предыдущие, начинается с краткой истории рекламы в Советском Союзе, а начиная с 1990х — в России. Авторы заключают это рассмотрение статистикой ВЦИОМ, свидетельствующей о широко распространенном среди русских недоверии к рекламе и частой отрицательной оценке рекламных продуктов. Примеры переключения кодов и смешивания кодов английского и русского языков в рекламных текстах (а такие примеры составляют, как считают авторы, около 75 процентов всей рекламы) представляют весь диапазон — от включения английского собственного имени в русский текст до полного предложения на английском. Креативность в привлечении внимания публики приводит к появлению легко запоминающихся инновационных выражений. Авторы также касаются области культурного влияния отражаемых в рекламе ценностей, не свойственных русскому обществу, например, как рекламные продукты навязывают публике определенный имидж женщины, того, что для нее должно быть важным в жизни, или имидж мужчины и то, каким делает мужчину его машина. Точка зрения авторов сводится к тому, что реклама товара в России должна отличаться от подобной рекламы в других странах и должна учитывать особенности культурного фона России.

В разговоре о литературе, написанной русскими писателями на английском языке, авторы не рассматривают англоязычные произведения великих Набокова и Бродского, а последовательно анализируют в главе 13 англоязычное творчество ряда молодых писателей-эмигрантов русского

происхождения, составляющих, по мнению авторов, “золотой запас” русской эмигрантской литературы, написанной на английском языке. Филологическое рассмотрение особенностей языка русско-американских писателей Ольги Грушин, Василия Аксенова, Гари Штейнгарта и Ани Улинич, Лары Вапняр и Ирины Рейн, а также Давида Безмозгиса и Эллен Литман подводит нас к вопросу, на который авторы не дают прямого ответа: если судить только по английскому языку, на котором написаны рассматриваемые произведения, являются эти писатели представителями русской, американской, русской американской, транснациональной или особой билингвистической письменной культуры? И можно ли считать, что для всех перечисленных писателей ответ на этот вопрос будет один и тот же? Авторы также поставили в данной главе вопрос, можно ли видеть влияние новой волны эмигрантской литературы писателей русского происхождения на американских писателей, не имеющих русских корней? В качестве примера они приводят книгу Джонатана Сафрана Фоера (ошибочно названного в рецензируемой книге Сафраном Фоером) 2002 года “Everything is illuminated”, называя его стиль “псевдо-славянским английским дискурсом”. С этим сравнением трудно согласиться: ведь в книге Фоера повествование — по крайней мере, в одной части — ведется не от имени автора или его прототипа, а от имени одного из героев, украинца, считавшего, что он знает английский язык и может говорить на нем, в то время как на самом деле его английский язык был, вероятно, воспринят из плохого учебника или словаря, лишенного примеров использования слов и выражений [7], и потому был совершенно недостаточен для общения на английском; в соответствии с этим, стиль повествования в этой части книги постепенно меняется от почти непонятного английского в начале книги до практически стандартного варианта английского языка, что составляет замечательную лингвистическую особенность этой книги, сближающую ее по сложности языковых употреблений с некоторыми простыми языковыми играми.

Третья, последняя, часть книги касается взаимоотношений русского языка и русского варианта английского языка на постсоветских территориях. Эта часть включает четыре главы — 14—17, из которых первая посвящена соперничеству русского и русского английского на территории бывших советских республик и стран социалистического лагеря, вторая — глава 15 — перечисляет меры поддержания статуса русского языка в стране (в частности, меры пуристского характера) и продвижения русского языка и культуры в других странах. Здесь также анализируется отношение носителей

русского языка к использованию заимствований из английского в русском языке. Третья — глава 16 — сосредотачивает внимание на сравнении осознания и изучения русского английского с подобными процессами в других разновидностях английского языка в мире, и, наконец, последняя, 17-я глава на примере республики Тыва с ее особенностями лингвокультурной ситуации показывает, что изучение английского языка в ситуации билингвизма создает новую разновидность английского языка — тувинский английский, тем самым делая его вторичным средством самоидентификации и этнической идентификации народа, проживающего на этой территории. Этот долгожданный пример в конце книги лучше всех теоретических рассуждений доказывает практическую мощь модели Баджа Б. Качру, а также дополнительно свидетельствует, что объект рецензируемой книги — русский английский — можно считать новым ребенком, который наконец появился в семье World Englishes.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *Kachru B., Kachru Y., Nelson C.L.* The Handbook of World Englishes. Wiley-Blackwell, 2009.
2. *Murdock Ch.* World Englishes. Режим доступа: <http://writingpedagogyresources.weebly.com/world-englishes.html>. 2012.
3. *Hammarström H., Forkel R., Haspelmath M.* Glottolog 3.0. Jena: Max Planck Institute for the Science of Human History, 2017. Режим доступа: <http://glottolog.org>.
4. *Biber D. et al.* Longman Student Grammar of Spoken and Written English. Pearson, 2002.
5. *Canagarajah S.* Codemeshing in Academic Writing: Identifying Teachable Strategies on Translanguaging // The Modern Language Journal. Vol. 95, No. 3. 2011. P. 401–417.
6. *Smith L.E. (ed.)*. Readings in English as an International Language. Oxford: Pergamon Press, 1983.
7. *Feßler N.* Illuminating Language. Режим доступа: <http://www.metamodernism.com/2011/09/29/illuminating-language/>. 2011.